

Копирование, тиражирование
и распространение материалов, содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

Лада Шведова

моё
ТАК НАЗЫВАЕМОЕ
лето

Sugar
Love

Москва
2026

ГЛАВА 1

— Славка! Славка, просыпайся! — Меня весьма настойчиво трясли за плечо. — Славка, ну же! Чего ты как Спящая красавица? Вставай скорее!

— Который час? — Я приоткрыла один глаз. Реальность выглядела лишенной красок, а такой она бывает только ранним утром. Учитывая, что сейчас середина мая, для такой серости утро должно быть неприлично ранним для пробуждения. Но соседка по плацкарту явно так не считала и продолжала терзать мое плечо.

— Почти пять! Славка, вставай же. Посмотри, за окном *море!*

Через минуту мы с Лидией сидели каждая на своей полке и смотрели на *море*. В поезде пахло... поездом, есть у него такой специфический запах, но казалось, что морем пахло тоже. Свежим, соленым, бескрайним и обещающим исцелить душевные раны. Правда, с исцелением возникли проблемы: чем дольше я смотрела на море, тем сложнее было сдерживаться, и я заплакала.

— Славка! — Лидия заметила, как я вытерла слезу со щеки. — Что с тобой такое, ребенок? Это из-за отца, да? Или из-за мамы?

Я кивнула на оба вопроса, мысленно умоляя себя успокоиться и сосредоточиться на чем-то, кроме

моря. Поезд мерно покачивался на рельсах, в вагоне царила тишина. Кажется, кроме нас с Лидией, никто еще не проснулся. На верхних полках похрапывали соседи — молчаливые мужчины. Все два дня, что мы провели в пути, они спускались с верхних полок, только чтобы быстро перекусить или размяться, и снова забирались к себе. Хотя Лидия что-то там хлопотала, звала их пить чай и беспокоилась, что они там залежались.

Лидии было за сорок, она ехала в отпуск к сестре. Мы познакомились в поезде. Раньше мне не приходилось сталкиваться с «эффектом попутчика», но соседка пояснила, что это обычное дело. Когда незнакомке можно выложить все свои терзания, сомнения и пережитые кошмары и услышать историю в ответ. И неважно, что вне поезда вам не о чем разговаривать и вы разные буквально во всем, начиная с возраста и заканчивая мироощущением. Все отходит на второй план, когда оказываешься в поезде.

Так за два дня пути Лидия узнала про мою маму и ее ранний уход. Мама родилась на побережье, но уехала оттуда еще до моего рождения. И она так часто рассказывала мне о том, как хорошо на море, как она была счастлива, будучи подростком, что я... не знаю. Просто села на поезд, чтобы это проверить. Ведь в последнее время дела мои шли не ахти.

Еще я рассказала Лидии про отца, который бросил нас с мамой давным-давно, но ему пришлось принять осиротевшую меня в своем доме. Отношения у нас не складывались с самого начала, и все становилось только хуже. Из-за отца я пропустила целый год в университете мечты: как настоящий самодур, он решил, что мне «рано покидать дом в семнадцать

и ехать в Москву в одиночестве». Видимо, поэтому в восемнадцать он назвал меня невыносимой и указал мне на дверь в самостоятельную жизнь.

Я рассказала Лидии про многочисленные переезды, из-за которых я растеряла друзей и не успевала завести новых. Про маминых родственников, что оказались совсем не такими, как я думала. Про побег из родного города с одним паспортом в руках. Ладно, не только с паспортом, был еще рюкзак с самым необходимым. В конце концов, бежала я не от кого-то, а просто... внезапно и в никуда. Все равно до меня никому не было дела. И мама была так счастлива на побережье, что мне тоже хотелось немного... счастья.

Боже! Я вывалила на Лидию столько всего, что мне было стыдно. Но она так внимательно слушала, так участливо качала головой, что я просто не могла остановиться. Хотя вот такая болтовня с незнакомкой — это вообще не обо мне.

— Будешь кофе? — Лидия полезла под стол, там стояли ее многочисленные сумки с продуктами. В отличие от меня, к поездке она готовилась основательно. — Моя станция через час, хочу успеть позавтракать. Ты со мной?

— Да, с удовольствием.

Она вдруг вынырнула из-под стола и сжала мою руку:

— Ребенок, ты точно поедешь дальше? Если хочешь, можешь пожить у моей сестры. Хотя бы первое время. Это не у самого моря, конечно, но тоже неплохо. Как-то мне беспокойно за тебя, и присмотреть некому.

— Спасибо, Лидия. Правда, большое спасибо, но я... пожалуй, до конца.

— Уверена?

— Да.

— Хорошо. Но проверь еще раз, правильно ли ты записала мой телефон. И адрес Софьи, моей сестры. Пусть все это у тебя будет на всякий случай. Проверь, а потом сообрази нам что-нибудь на завтрак. Негоже продуктам пропадать.

Она ушла за кипятком, а я, в который раз преодолев неловкость, вытащила из пакета Лидии типичный перекус человека в поезде. Вареные яйца, колбаса с хлебом, помидоры с огурцами и соль. Казалось бы, простые продукты, но в поезде они и пахли, и елись по-особенному, как изысканный деликатес. Или просто я впервые куда-то вот так ехала, и все мне казалось... другим. Даже на вкус и запах.

Покупая билет, я знала, что ехать двое суток, и планировала питаться в вагоне-ресторане или бегать в магазины во время долгих остановок. Но Лидия пресекла попытки покинуть плацкарт в поисках еды: сначала вытащила на свет целую запеченную курицу, потом еще много всякой всячины. Два дня пути мы провели за едой и разговорами. Завтрак перетекал в обед, потом в полдник и ужин, ну и небольшой перекус перед сном никто не отменял. Мы говорили, говорили и говорили. Временами мне было жаль мужчин на верхних полках, они же не могли никуда деться. Приходилось слушать, слушать и слушать.

Соседка вернулась с кипятком, мы дружно добавили туда растворимый кофе и зазвенели ложками. Серость за окном постепенно уступала место чистому небу. С каждой минутой море становилось более насыщенным, все сильнее играло самыми разными, но

неизменно потрясающими оттенками. От глубокого синего вдалеке до перламутрово-лазурного из-за бликов восходящего солнца и небесно-голубого ближе к берегу.

— Мы с мамой мечтали съездить к морю. Вместе, — поделилась я. — Побродить по знакомым ей улочкам. Мне было лет десять, когда она рассказывала о море и наших планах. О своем детстве, которое она провела на побережье.

— Поэтому ты теперь... здесь? Хочешь воплотить ваш с мамой план в жизнь?

— Да. Нет. Может быть. Я... не думала об этом до настоящего момента. Просто мама была здесь так счастлива, что я купила билет и села на поезд.

Лидия помолчала немного и сказала:

— Знаешь, у меня в жизни было много сложных моментов. И я так же покупала билет и ехала к сестре, к родному человеку. И к морю. И каждый раз... хоть немного, но становилось лучше. И ты исцелишься, Слава. Исцелишься и найдешь свое место в жизни, своих людей, которые тебя не подведут. И посмотришь на свою жизнь со стороны, другими глазами, и многое поймешь. Вдруг ты поймешь даже отца?

— Этого человека мне точно не понять.

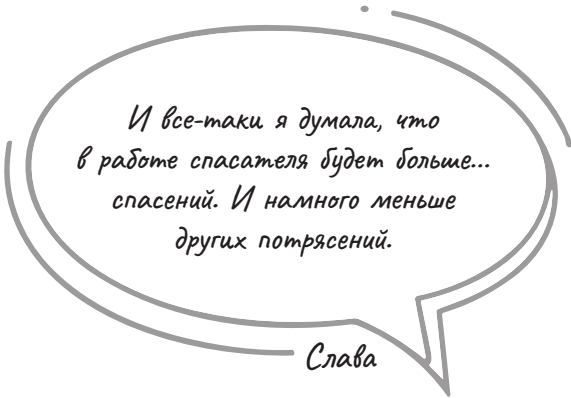
— Возможно, это произойдет не быстро, но позволь себе хотя бы начать или попытаться, договорились? Пообещай мне это.

— Обещаю, — ответила я, чтобы ей было спокойнее.

Вскоре я смотрела в окно, как Лидия, моя случайная попутчица, которая узнала обо мне почти все, обнимается на перроне с сестрой. Когда поезд тронулся, Лидия обернулась и жестом показала, чтобы

Лада Шведова

я звонила ей в любой момент. Но я знала, что не позвоню. Случайным попутчикам не звонят.

*И все-таки я думала, что
в работе спасателя будет больше...
спасений. И намного меньше
других потрясений.*

Слава

ГЛАВА 2

Вскоре проснулся весь поезд, стало шумно и запахло уже совсем не морем, а растворимым кофе, колбасой и супом быстрого приготовления. Кто во что горазд, как говорится. За два дня в пути казалось, что я с ног до головы пропахла специями из супа, хотя сама его даже ни разу не ела. Спасибо Лидии и ее сумке с продуктами.

Я смотрела в окно и ерзала от нетерпения, хотелось поскорее покинуть поезд. У меня не было плана, как не было и обратного билета. Может, куплю его через пару дней. Или не куплю никогда — возвращаться домой не хотелось, у меня не осталось на это буквально ни единой причины. Строго говоря, у меня и дома-то не было. От мамы остались две квартиры. В одной мы жили, когда я была маленькой, вторая принадлежала бабушке. Отец сохранил эти квартиры для меня и даже в самые сложные времена никому не сдавал — чтобы было куда отправиться, когда он укажет мне на дверь. Теперь-то я это поняла.

Завибрировал лежащий на столе телефон. Звонила тетя Нина — словно почуяла неладное. Ответить не хотелось, но в последнее время тетюшка стала такой настойчивой, что не давала мне выдохнуть.

— Ярочка, ты где? — зачастила она, забыв поз-

дорваться. — Я вчера вечерочком хотела тебя навестить, но дома никого не оказалось. И телефончик твой был недоступен. Я уже начала волноваться.

— Слава, — вяло поправила я. «Ярочка» всегда казалась чем-то неудобоваримым и чужеродным.

«Волнение» тети Нины комментировать не хотелось. Она перегибала палку, ведь впервые встретились мы на маминых похоронах. Тогда мне было двенадцать. После тетя Нина появлялась редко, но метко — каждый раз ей удавалось поссорить меня с отцом в пух и прах. Но с недавних пор ее звонки стали почти ежедневными, и это была не забота доброй родственницы о бедной одинокой девочке, далеко не забота. Просто тетушка почуяла кровь.

— Славочка, — быстро поправилась она. — Так где ты?

— Вы что-то хотели?

— Просто пообщаться! Узнать, как ты справляешься, и вообще...

— Справляюсь.

— Так я к тебе зайду? Вечерочком, хорошо? Тортик тебе принесу, или пироженки какие... ты же наверняка голодненькая сидишь. Молоденькая, пока ничего не умеешь, а пока научишься жить самостоятельно...

Она говорила что-то еще, и так тараторила, что у меня разболелась голова. Тетя Нина, как энергетический вампир, высасывала жизнь и разум, своими уменьшительно-ласкательными разжижая мозг до состояния каши. До состояния кашки, черт ее подери.

— О чем вы хотите поговорить вечером? — Мне наконец удалось вставить слово.

— Ах, это... ну я лучше с глазу на глаз, Славочка.

Такое по телефону обсуждать не по-родственному. Как чужие, право слово.

«Ты и есть мне чужая», — хотелось рывкнуть в трубку.

Но я все же взяла себя в руки:

— Сейчас мне не до личных встреч, простите. Если у вас что-то важное...

— Да не то чтобы важное, но я тут подумала... о тебе, Славочка. Об отце твоём паршивом — как можно было вот так с родной кровиночкой! Не зря Наденька его бросила, он всегда был плохим человеком. И я тебе много лет говорила, какой он! Твердила, твердила... Нет, ты не беспокойся, я чем смогу помогу. Но и тебе самостоятельно тянуть жизнь и квартиры, что от мамы достались... ты же только-только школу закончила. Тебе учиться надо в университете, не отвлекаться. А тут эти квартиры. И я подумала, а пусть мои проживут? И коммуналочку на себя возьмут, раз такое дело. Не чужие же. У моей Ольки семья, муж, дитяти, и все они в съёмной ютятся. А у тебя одна трехкомнатная, да? И Олежка мой все со мной, а ему тридцать. Ему бы одному пожить, глядишь, личную жизнь бы устроил. И квартплату они полностью возьмут на себя, тебе одна сплошная выгода.

Стоило догадаться, что со временем тетя Нина станет смелее. Сначала она лишь намекала, но теперь пошла в прямую атаку. Перед моим отъездом мы встречались. Тетя Нина расхаживала по маминной квартире, хвалила высокие потолки и говорила, как же сильно мне повезло — осталась богатой наследницей. Повезло так повезло. Наверное, по мнению тети Нины, стоило запустить фейерверки прямо с балкона. Она тогда так долго рассуждала о выгоде,

а я стояла и думала, что этот мир мне абсолютно понятен и оттого противен. Так же я вспоминала, как тетя Нина пыталась забрать меня у отца, лишит его права опеки, и у меня волосы вставали дыбом от мысли, что я могла оказаться... с ней. В беззащитные двенадцать лет.

В тот момент внутри меня вообще многое перевернулось. Стало даже как-то противно, что я не видела тетушку насквозь, а общалась с ней, жаловалась на отца. Подкидывала сухих щепок в и без того полыхающий костер ужасных семейных отношений. Но в момент, когда тетушка разглядывала высокие потолки, меня ударило озарением. Могло бы и раньше, конечно, но моя жизнь все время была очень далека от квартирных вопросов.

— Простите, но это невозможно.

— Славочка...

— Слава. И я сейчас в отъезде. Поговорим, когда вернусь.

— Ага, поняла. Значит, через пару деньков?

— Или месяцев. До свидания, тетя Нина.

Я сбросила звонок с мыслью, что стоит поменять номер телефона. Может, прямо на вокзале. Исчезнуть. Все равно никто меня не будет искать. Кроме тети Нины, конечно, ей я нужнее всего.

Из-за этого глупого звонка прибытие поезда на конечную воспринялось смазанно. Я подхватила рюкзак и встала в очередь на выход. Спрыгнула на перрон и... все. Ничего особого не ощутила. Потому что уехать всегда можно, но в итоге везде с собой берешь себя. А в моем случае это не самая приятная, озлобленная и обиженная на весь мир компания.

Я оглядела здание вокзала — новенькое, бле-

стящее. В стеклянном куполе отражалось голубое небо. Постепенно эмоции после звонка тети Нины улеглись, и я начала чувствовать что-то помимо раздражения. Например, жару. В поезде работал кондиционер, и как же сильно ощущался контраст. Хотя было далеко даже до полудня, воздух только начал прогреваться. И уже было так жарко.

Телефон завибрировал вновь. Раздражение моментально вспыхнуло вновь, я выхватила телефон из кармана с намерением больше не сдерживаться и послать добрую тетушку подальше, но на экране высветилось «Александр». Отец. Я ответила, просто чтобы сказать, чтобы больше не звонил. Ни он, ни тетушка. Никто! И никогда.

— Твоя сумасшедшая тетка позвонила и сказала, что ты устроила побег, ведешь себя как неблагополучный подросток и тебя надо срочно вернуть домой, пока ты не сгинула. Что случилось, Слава?

— Я уехала.

— Куда?

— К морю.

Александр помолчал немного, переваривая новость, и сказал:

— Хорошо, тебе пойдет на пользу. Денег перевести?

— Нет.

— Про тетку я тебя предупреждал. — Он таки не смог удержаться. Тетя Нина всегда была нашим камнем преткновения. Отец считал, что общаться нам ни к чему, и злился, когда я не соглашалась. Не соглашалась я в основном из вредности, потому что в двенадцать ни черта не разбиралась в людях и их целях. Тетя Нина со своей стороны охотно поливала